

18 Неделя - 1988 - Суб.

131

Виктор КОНЕЦКИЙ:

ОТСТОЯТЬ СВОЮ ВАХТУ

Недавно в ленинградском Дворце культуры и техники работников связи прошла встреча читателей с писателем Виктором Коневским. Круг вопросов, заданных Виктору Викторовичу, оказался весьма широким.

В начале встречи писатель сказал:

— Я вообще выступать не умею и очень боюсь, сегодня утром сильно волновался. За последние три-четыре года это приходится делать очень часто, хотя я считаю, что наше дело — писать книги. Многие думают, что мы, пишущие люди, обладаем большой информацией. Это так и в то же время не так. Основную информацию мы получаем оттуда же, откуда и вы, то есть из газет, журналов, телевидения. Однако много сведений, совершенно различных по своему характеру, приходит к нам в письмах. Их присылают читатели со всех концов страны. Они обращаются к нам со своими горестями, просят поддержки, иногда просто сочувствия.

Стенограмма этого выступления, думаю, представляет интерес для широкого круга читателей, ибо Виктор Коневский завоевал признание и авторитет. В своих произведениях (да и на этой встрече) он высказывает острые, резкие, парадоксальные оценки и мнения, но при этом всегда искренен, честен, отстаивает высокие нравственные принципы в искусстве и в жизни.

— Виктор Викторович, вы закончили высшее военно-морское училище, затем некоторое время служили на флоте, но потом все-таки оставили военную службу. Почему это произошло?

— Я хотел уйти с Военно-Морского Флота еще в училище, но отец умер рано, и надо было как-то существовать. Поэтому я демобилизовался только в 1953 году. Мне хотелось плавать, а многие военные моряки не могли делать этого. Правда, современный флот сильно отличается от того, на котором служил я. Нынешние военные корабли вышли в Мировой океан, особенно это касается подводных лодок. Сегодняшний Военно-Морской Флот — главный гарант мира на планете, так как именно подводные лодки являются тем самым «оружием возмездия», от которого невозможно укрыться. Обнаружить современную подводную лодку, которая погружается на головокружительные глубины и движется с гигантскими скоростями, непосильными даже для надводных кораблей 50-х годов, чрезвычайно сложно.

Писать на эту тему очень сложно. Тот, кто читал мою последнюю книгу, помнит новеллу о военном советнике. Пробыть ее было чрезвычайно трудно, пришлось ехать в Москву, беседовать в Главном политуправлении Военно-Морского Флота и так далее. Поэтому я редко пишу о военных морях, хотя мои друзья из-за этого обижаются.

— Назовите писателей, творчество которых вы любите больше всего.

— Марина Цветаева говорила: «Творение предпочитай творца». Для меня в первую очередь важна личность писателя. Даже если он написал гениальное произведение, но человек при этом плохой, то произведение не будет для меня понастоящему прекрасным.

Последнее время в печати стали всплывать разные неприятные сведения про некоторых литераторов, которых я очень уважал. Вдруг выясняется, что Виктор Борисович Шкловский в какой-то момент испугался и не поддержал Зощенко, а Борис Пастернак, отказываясь от Нобелевской премии, продемонстрировал недостаточную решительность. Фадеев застрелился, потому что было из-за чего, а Юрий Олеся был в писательской делегации, которая ездил на Беломорканал, потом они написали толстую книгу с портретом Сталина на обложке. Есть у нас две фигуры, и обе женщины, на которых нет ни малейшего пятна. Это Анна Андреевна Ахматова и Марина Ивановна Цветаева. Оказалось, что самыми нравственными и могучими по духу явились представительницы слабого пола, а не мужчины. В этом есть что-то глубокое и серьезное.

— Как вы относитесь к Шатрову, Рыбакову и другим писателям, затрагивающим тему 30-х годов?

— Шатрова я знаю только по прессе, но, мне кажется, он делает очень полезное дело. В свое время я очень серьезно исследовал биографию Владимира Ильича Ленина. Мне хотелось написать рассказ о гибели его старшего брата. Всегда меня потрясало полное отсутствие мстительности у Владимира Ильича.

Эта тема почему-то не поднималась в нашей литературе, хотя, как мне кажется,

она бы вскрыла новую грань в характере Ленина.

Шатров мне интересен именно тем, что он все время старается заглянуть в человеческое лицо вождя.

Сегодня мы часто вспоминаем последние работы Ленина, чтобы на идеях, заключенных в них, строить новую жизнь. А мне кажется, дело не только в этих идеях, главное, чтобы наша политика стала нравственной. Этому надо учиться у Ленина.

Роман Рыбакова я читал в рукописи и давал на него рецензию. Мне он очень понравился. Это было в Москве, в гостинице. Я запер дверь номера, потому что мне все время казалось, что за мной следят, настолько страшно было это читать. Когда я принес рецензию, Рыбаков спросил: «Как ты думаешь, напечатать?» Я, естественно, посмеялся над ним. А через семь месяцев роман выходит в «Дружбе народов». Вот так бывает...

— Правда ли, что вы написали книгу о Викторе Некрасове? Расскажите о вашей последней с ним встрече...

— В 1986 году я работал на теплоходе «Кингисепп». Это был мой последний рейс в Арктику. На берег я сошел в Игарке и вылетел в Красноярск. Там я провел два дня с Виктором Петровичем Астафевым, а затем улетел в Ленинград. Вскоре после этого я отправился во Францию по обмену делегациями с МИД этой страны. Моей задачей было собрать материал об Ольге Хохловой, первой жене Пикассо, с которой дружила моя мать. Но в то же время хотелось быстрее сесть за книгу о последнем рейсе в Арктику. В Париже к нам отнеслись настороженно, вылетать в другие города за материалом запретили, а саму поездку сжали до одной недели. Правда, я встречался с людьми, знавшими и Пикассо, и Хохлову, но в общем затея проваливалась. Тогда я решил встретиться с нашей современной эмиграцией, поскольку тема Хохловой перекликается с темой ностальгии, тоски по родине. Меня интересовало, как чувствуют себя во Франции люди, которых я хорошо знал по Союзу, с которыми начинал писать. В первую очередь мне хотелось увидеться с Виктором Некрасовым, которого я всегда глубоко любил и до сих пор считаю его книгу «В окопах Сталинграда» лучшей книгой о войне.

Найти его мне удалось не сразу. Где-то на третий или четвертый день я все же узнал его номер телефона и позвонил из отеля. Женский голос по-русски объяснил, что Виктор Платонович сейчас моется в душе и подойдет к аппарату никак не может. Тогда я говорю: «Позовите его немедленно, поскольку я никогда в жизни не разговаривал с голым и мокрым эмигрантом». Против этого аргумента она не устояла, и вскоре мы с ним уже обнимались в кафе на бульваре Монпарнас.

Встретил Некрасов меня ласково, со слезами на глазах, но употреблял при этом такие выражения, что, воспринимая их здесь, Дворец культуры сразу же надолго закрыли. В войну он был сапером, поэтому владел настоящим саперским матом. Любому боцману до него далеко. Пока мы сидели, я его постоянно одергивал и говорил: «Послушай, ты же лауреат Сталинской премии. К тому

же вдруг здесь в кафе есть кто-нибудь из русских». А он только еще больше распался. Причем поносил он всех подряд: эмигрантов, французов и... плакал. Человек думал все время только о потерянной родине, о том, как тяжело и глупо сложилась его судьба. Хотя я считаю, что он не виноват, его действительно довели до последней точки. И основной смысл моей книги заключается в том, чтобы вернуть произведения Некрасова назад в Россию, ибо его самого мы уже не возвратим из парижской земли.

Это был удивительный человек: с одной стороны — мат, а с другой — глубокая душевная и художественная тонкость, великолепное знание живописи. Сам он хорошо рисовал, писал маслом, акварелью.

На книгу о Викторе Платоновиче Некрасове я потратил полтора года, поставил последнюю точку, и вдруг по «Маяку» передают, что открыли спецхран, и в библиотеки поступят произведения Бухарина, Шмелева, Замятина и — книги нового поколения эмиграции. Я оказался в смешном положении.

— Что связывает вас с Валентином Пикуль?

— Военная служба. С 1945 по 1946 год мы прослужили в одной роте. Это было в Ленинградском подготовительном военно-морском училище. Он пришел с Северного флота, а я — с гражданки. В конце года нужно было сдавать 12 экзаменов. Он получил 12 двоек. За такие вещи обычно списывали в матросы, но руководство училища, учитывая его службу на боевом корабле, решило Пикуля демобилизовать. Не успели мы закончить учиться, как он выпустил свой первый огромный и совершенно безграмотный роман «Океанский патруль», после чего в училище была организована читательская конференция, на которой в президиуме в окружении выгнавших его преподавателей сидел и отвечал на вопросы Валентин Пикуль.

Вообще же он сделал очень много. Например, сегодняшний ажиотаж вокруг подписки на Карамзина, Соловьева, Ключевского и других во многом вызвал Валентин Пикуль. С другой стороны, он сильно разложил читателей и опустил планку художественности.

Как-то я читал один его роман и на первых четырех страницах нашел 20 ошибок. Например, пассаты он путает с муссонами и так далее. Я не поленился, звоню ему в Ригу: «Валя, слушай, ты бы хоть в словарь заглядывал, про моряков пишешь, а муссоны с пассатами путаешь». А он мне: «Как вы, читатели, все надоели, к мелочам цепляетесь...» Ну что же, он мыслит томами.

Человек он очень трудолюбивый, работает непрерывно, даже когда болеет. Популярность его заслужена мозолями на руках. Начисто лишен честолюбия, никогда не лез на престижные административные должности. На три четверти он графоман. Кстати, Алексей Толстой тоже был графоманом в исконном, необходимом значении этого слова. Вообще хорошие писатели должны быть графоманами — все время писать. Но работать надо все-таки тщательно.

— Верите ли вы в судьбу? Часто ли вам приходится попадать в тупиковые ситуации и как вы из них выходите, если исключить традиционный способ?

— В судьбу верю, но убежден, что свое влияние на нее человек оказывать может. В моей жизни было очень много самых неожиданных совпадений, порой даже трагических, так что колесо фортуны не отрицаю.

А тупиковых ситуаций хоть отбавляй. Например, сейчас я как раз в таковой нахожусь и буквально на ваших глазах из нее пытаюсь выбраться. Как я уже говорил, я написал книгу, которую опередила гласность. Переживаю то, что в море больше не пойду. Добавляются и психологические перегрузки, связанные с новой ситуацией в стране. Что же делать? В таких случаях я представляю се-

бе, что стою на мостике, мне худо, но вахту я отстоять должен. А раз должен, значит, надо бороться.

«Традиционный метод» борьбы с нервным напряжением — это, по всей видимости, водка. Должен сказать, что не слишком он надежен, этот метод. Сколько водка раньше времени унесла жизни — перечесть невозможно!

— Ваш литературный язык очень точно отражает состояние мироощущений ленинградской интеллигенции. Как вам это удается? Является ли он естественным для вас или же вы специально над ним работаете?

— Спасибо. Ваши слова я воспринимаю как самую большую и серьезную похвалу. Мне кажется, что ленинградская литература была, есть и должна быть особенной, отличающейся от московской или сибирской.

Получается у меня это, конечно, несознательно. Я вообще считаю, что язык не изучается в процессе жизни. Его, очевидно, впитывают, начиная с эмбрионального состояния. Мать дает язык. А у человека, который впоследствии пытается свою речь обогатить за счет словарей, эти слова, как правило, в тексте резко выделяются. Мне думается, что писать надо так, как говоришь, поэтому очень многое зависит от среды, в которой будущий писатель рос.

— В одном из своих ранних рассказов вы иронически отозвались о картине Айвазовского «Девятый вал». Значит ли это, что вам не нравится творчество известного мариниста?

— Был грех. Но после того как обиженные земляки Айвазовского прислали мне из Феодосии репродукции его полотен, я изменил свое отношение к этому художнику. По молодости, бывает, рубишь сплеча, а позже, с возрастом, начинаешь осознать, что тогда был не прав.

— А сами вы рисуете?

— Да, и чем ближе к старости, тем больше. Все свое свободное время пишу акварели. Несколько раз выставлялся.

— Как вы относитесь к изданию книг на средства автора?

— Недавно я наблюдал в издательстве «Советский писатель» за несколькими старичками, которые, услышав об этом решении, принесли свои стихи. Как я понимаю, в связи с этим в издательствах крепко подумывают о том, чтобы обить двери железом и поставить сигнализацию.

Мы знаем, что денег у людей много, а стихов еще больше. На сберкнижках лежат десятки миллиардов рублей, которые некуда девать. Отчего же человеку не потратить тыщонку-другую, чтобы увековечить свое имя? Я думаю, бедным издателям придется туго. Для всего этого нужна бумага, которой нет.

— Виктор Викторович, в последнее время в стране появилось много неформальных групп и объединений. Что вы думаете по этому поводу?

— Недавно во Дворце культуры имени Ленсовета проходила встреча с доктором юридических наук Борисом Павловичем Курашвили, работником Института государства и права АН СССР. В зале находились члены клуба «Перестройка». Разговор шел о том, чтобы создать народный фронт, в который бы входили все слои общества. Тема вполне серьезная, но настроение, которое царило в зале, чем-то мне напоминало оперетту.

— Среди ваших произведений нет ни одного на историческую тему. Почему?

— Дело в том, что я описываю только те события, в которых принимал непосредственное участие. Фон в моих книгах совершенно документальный. Я могу выдумать героя, судну дать другое название, но в остальном всё — правда.

— Каковы ваши творческие планы?

— Сейчас я на перепутье: либо начать делать книгу по материалам последнего плавания, либо сесть за давно задуманную фантастическую повесть, рассказывающую о том, как Аркадий Аверченко приезжает из Праги в Ленинград, чтобы перезахорониться на литературские мостки на Волковом кладбище. Я же исполню при нем роль гида...

Вообще говоря, в наше прекрасное, демократическое время, когда я могу уже спокойно умереть, зная, что дожил до светлых дней, работать стало гораздо труднее. Во времена застоя главное было держаться ближе к белому, к правде, и больше никаких забот. Замечательная простота позиции. А теперь, когда есть целый спектр мнений, надо выбирать свою точку зрения и уметь отстаивать ее. Поэтому, наверное, и буксуют пока наши крупнейшие писатели, и печатаются в основном то, что лежало в столах. Однако времени прошло еще мало, так что, думаю, ситуация изменится.

Записал
Вадим НЕВЯКИН.